

ПЛЕНАРНАЕ ПАСЯДЖЭННЕ

Т. П. Беценко (Сумы, Украина)

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Народнопоэтическое творчество является той языково-культурной средой, которая тесно взаимосвязана с народным мышлением, мировоззрением, бытовыми представлениями, т.е. со всеми сторонами жизнедеятельности этноса.

Актуальность исследования состоит в том, чтобы засвидетельствовать языковые каноны народного песнетворчества, наблюдаемые в фольклорно-песенном континууме украинского и белорусского наследия, изучение которых даст возможность сравнить родственные и неродственные народноязыковые песенные культуры.

Цель статьи – выявить и описать словесно-образные конструкции, характерные для белорусского и украинского народнопесенного текстообразования, с точки зрения их каноничности, универсальности и одновременно уникальности. Основная задача – типизировать тексто-образные формулы (универсалии) как системоорганизующие единицы фольклорного дискурса украинских и белорусских народных песен.

Каноничность словесно-образной организации народнопесенных произведений рассматриваем как фольклорную категорию, свидетельствующую о сложившейся языковой традиции, и вместе с тем – о своеобразии, самобытности, оригинальности отдельной культуры, в частности, украинской и белорусской.

По-другому каноничность понимаем как традиционность, формульность, универсальность. Без канонов текстообразования немислимо существование народного творчества. Поэтому традиция – свидетельство бытия этнической культурной реальности.

Наличие тексто-образных формул (универсалий) – показатель устойчивой, сформировавшейся по правилам (нормам), законам песенной традиции, закреплённости последней за отдельным национально-языковым континуумом.

Как в украинском, так и в белорусском народнопесенном творчестве, по нашим наблюдениям, представлены канонические тексто-образные универсалии – *атрибутивные, субстантивные, вербальные, адвербиальные, предикативные структуры*.

А т р и б у т и в н ы е конструкции – структурные образования типа «прилагательное + существительное». В белорусском народном творчестве естественными являются универсальные для славянского фольклора формулы *буйны ветры* [1, с.37], *дробны дождж* [1, с.37], *маманька родная* [1, с. 51], *дзіўненькі сон* [1, с. 54], *ясен сокал* [1, с. 54], *халодная вада* [1, с. 290],

драмучьмі лясамі [1, с. 427], *цёмная ночачка* [1, с. 428], *ясен месяц* [1, с. 428], *луг зялёны* [2, с. 47], *быстрая рака* [2, с. 206], *быстрая вада* [2, с. 80]. Ср. в украинских народных думах: *бистрі води* [3, с. 327, 333], *біле каміння* [3, с. 163, 183, 188, 197, 202], *білий камінь* [3, с.109, 124, 125, 128, 312, 314, 315], *білі руки* [4, с. 145, 284], *буйні вітри* [3, с. 176, 291], *дрібен дощик* [3, с. 107, 108, 223, 254], *дрібні сльози* [3, с. 94, 96, 97, 182, 184, 193, 265 та ін.], *зелені явори* [3, с. 161, 206], *зелена діброва* [3, 363, 378], *холодна вода* [3, с. 91, 92, 93, 94, 95, 97], *ясні соколи* [13, с.103, 154], *ясне сонце* [3, с.138, 182], *темная нічка* [3, с. 206, 208].

Только в белорусском фольклоре засвидетельствованы формульные структуры *зялёная ліпка* [2, с. 146], *ліпачка кудравая* [2, с. 146], *бярозка белая* [2, с. 147], *белая бярозка караністая* [2, с. 402], *яленчанка зеляная* [2, с. 278], *язюлечка баравая* [2, с. 223].

Универсальность подобных словосочетаний усматриваем в том, что, во-первых, это самые простые структуры и самые употребляемые в языке конструкции, во-вторых, – это единицы, обладающие эстетической окраской, образностью, тропеические по своей сущности, в-третьих, национально обусловленные. Сравните, например, в украинских народных думах: *бистра куля* [3, с. 93], *бистра річка* [3, с.276], *бистра супротивна хвиля* [3, с. 386, 388], *бистра хвиля* [3, с. 98, 108, 110, 112, 395, 397, 398] , *бистрі ріки-озера* [3, 300], *прудкі річки* [3, с 332], *битий гординський шлях* [3, с. 74], *бідні невільники* [3, с.13], *бідні козаки* [3, с. 95, 97 126, 209], *запорозьке військо* [3, с.149], *сизопірі орли* [3, с. 156], *превоздобне дерево* [3, с. 116], *православні християни* [3, с. 115, 165, 181] и т.д.

Атрибутивные конструкции в качестве непосредственного отображения неязыковых фактов репрезентируют расчлененное обозначение предмета и его признака (т. е. представление предмета таким, каким его видит этноноситель языка).

Субстантивные тексто-образные формулы – сочетания существительного с существительным. В украинских народных думах – это конструкции *слава-рицарство* [3, с. 231, 232, 236], *сокіл-брат* [3, с. 114] , *срібло-злото* [3, с. 100], *час-пора* [3, с. 305], *щастя-доля* [3, с. 127, 155, 201, 212, 361], *щука-риба* [4, с. 317], *шлях-дорога* [3, с.367] , в белорусском народном творчестве – *рута-мята* [1, с. 36], *язюлька-кукушка* [1, с. 47], *мёд-гарэ-ланьку* [1, с. 50], *мёд-віно* [1, с. 50], *мурагу-сена* [1, с. 287], *віно-мёд* [1, с. 295], *паніч-каролік* [1, с. 295], *сад-вінаград* [1, с. 296], *званы-калакалы* [1, с. 382], *бары-сосны* [2, с. 81], *шчуцы-рыбаньцы* [2, с. 179], *каліна-маліна* [2, с. 222].

Сложные слова составляют неотъемлемую часть народнопесенной словесной культуры славян.

Вербальные тексто-образные формулы-универсалии в украинской и белорусской фольклорной традиции также подчинены законам канонической внутренней архитектоники. К этим формулам принадлежат сложные глагольные конструкции (сложные слова): *сікти-рубати* [3, с. 163, 164, 177], *бере-хапає* [3, с. 203, 205], *бити-карати* [3, с. 218], *бігти-доганяти* [3, с. 216],

грати-вигравати [3, с. 98] – в украинских народных думах, в белорусском фольклоре – *сели-пасел* [1, с. 37], *сячыце-рубайце* [1, с. 285], *стучыць-гручыць* [1, с. 297, 298], *лець-палець* [5, с. 570], *едзь-паедзь* [1, с. 370] и структуры, образованные по модели «глагол + глагол»: *не гніся, не ламайся* [1, с. 433], *хоць маем, хоць не маем* [2, с. 427], *не гніся, не ламіся* [1, с. 432], *хаджу, малачу* [2, с. 80].

Принцип конструирования структур – тот же, компонентный состав близкий, похожий, но в большинстве случаев – неодинаковый, не повторяющийся.

Интерес представляют а д в е р б и а л ь н ы е текстово-образные универсалии. Предназначение этих структур – поэтизировать пространственные, временные и другие характеристики измерения бытия. Формульные структуры с семантикой места указывают на местоположение описываемого предмета, явления, события, на направление, движение к определенному предмету в пространстве и проч. Пространство в фольклоре, как и время, – реальное обобщенное бытие, мыслящееся в тесной связи с человеком. Для белорусского носителя культуры актуальным является макропространство: *на Русь, на Україну* [1, с. 282], *на ціхім Дунаї* [1, с. 282], *за ціхім Дунаєм* [1, с. 288], *на Україну* [1, с. 281, 282], *на Русь* [1, с. 283], *на моры на сінюсенькім* [1, с. 37], *з поля* [1, с. 37], *на Дунаечку* [2, с. 126, 127], *на рыночку* [1, с. 36], *у луг, у бор* [1, с. 40], *у крыніцу* [1, с. 41], *у садзе* [1, с. 41], *на саду* [1, с. 42], *у садочку* [1, с. 42], *да з гары на даліну* [1, с. 283], *пад круту гару* [1, с. 430], *да на моры, на моры, на сіненькім возеры* [1, с. 283], *у бару* [1, с. 289], *у чыстым полі* [1, с. 299], *за лесам* [1, с. 302], *па чысту поля* [1, с. 302], *за гарой, за гарой круценькай* [1, с. 392], *за гумном, за новенькім* [1, с. 289], *чэрэз тры лясы* [1, с. 303], *чэрэз тры сялы* [1, с. 303], *між гор, між даліны* [1, с. 292], *да й у чыстым у полі, да й на бітому шляху* [1, с. 430], а также и микропространство: *на камені на бялюсенькім* [1, с. 37], *у каморы* [1, с. 42], *у хаце* [1, с. 48], *на бярозах* [8, с. 50], *на дварэ* [1, с. 293], *каля коніка* [1, с. 287], *на коніку* [1, с. 55], *у новым калодзежы* [1, с. 281], *з-пад крыніцы* [1, с. 290], *на масту* [2, с. 427]. Идентичное словесно-образное кодирование пространства в украинском фольклоре свидетельствует о родственных этносах: *з чужої сторони* [3, с. 116], *із чистого поля* [3, с. 312], *з криниці Салтанки* [3, с. 94, 96], *із чужого дому* [3, с. 360], *у тихий Дунай* [3, с. 409], *в чисте поле, в широке роздолля* [3, с. 216], *у чужий дім* [3], *через темні луги* [3, с. 328], *через високі ліси* [3, с. 338].

Поэтизацию пространства мы связываем с намерением песнетворцев зафиксировать местопребывание, местонахождение существенных для бытия реалий духовной и материальной жизни человека. Локус есть часть этноса, составляющий мировоззрение индивидов, компонент национальной (генетической) памяти. Для белорусов важными локативами считаются *лес, сад, поле, бор, гай, гора, дубрава, море* и др. Для украинцев, к примеру, – *степь, поле, лес, сад, бор, гора, дубрава, море* и др. Сходство пространственного обозначения действительности и в белорусском, и в украинском фольклоре – очевидное.

Время в словесно-образном оформлении также есть обязательный показатель национально-образного видения бытия. Для белорусского носителя языковой культуры характерным считается время, определяемое словами *ранюсенька* [1, с. 51], *з суботкі на нядзелку* [1, с. 5, 53], *у суботу на нядзелю* [1, с. 52], *у нядзелю рана* [1, с. 55], *у нядзелечку* [1, с. 56], *з суботы на нядзелю* [1, с. 56, 57], *у нядзелю да рана параненька* [1, с. 280], *у нядзелку рана* [1, с. 280], *ой, рана, рана, на зарэ* [1, с. 429]. Для украинской фольклорной традиции характерны конструкции *ранньою зорею* [3, с. 325], *у святую неділеньку рано-пораненьку* [3, с. 190, 366, 367], *до схід сонця* [3, с. 59], *в неділю рано-пораненьку з світовою зорею* [3, с. 340, 341], *ясною зорею* [3, с. 206].

Текстово-образные предикативные конструкции-универсалии в народном творчестве – структуры, соотносительные с предложениями. Такие единицы достаточно активные и в украинском, и в белорусском народном фольклоре. Например, в белорусском народном творчестве: *дробныя слёзкі роніць* [1, с. 43], *дробныя дажджы паліваюць* [1, с. 36], *коніка сядлае* [1, с. 47], *зязюлька кукавала* [1, с. 48], *на сенях пахадзіла* [1, с. 51], *сон сасніла* [1, с. 53], *сон відзела* [1, с. 53], *на коніку сядзіць* [1, с. 55], *цякла рэчачка* [1, с. 56], *русая каса да паяса* [1, с. 280], *два конікі да ваду пілі* [1, с. 280], *коні поюць* [1, с. 289], *вада ручаём цячэ* [1, с. 290], *вада цячэ холодная* [1, с. 290], *вадзічка ручаём бяжыць* [1, с. 292], *быстра рэчка цячэ* [1, с. 294], *на чысту полею стралою імчыся* [1, с. 302], *не вей, вецер* [1, с. 431], *каля рэчанькі хадзіла, каля быстрае гуляла* [2, с. 390], *я над ракою стаяла, белья ручкі умывала* [2, с. 391], *з адной гары вецер вее, з-над другой гары павявае* [2, с. 279], *кукавала зязюля* [2, с. 222] и др., в украинском фольклоре: *став з Дніпра тихий вітер повівати* [3, с. 388], *будуть козаки чистим полем гуляти* [3, с. 89], *дрібен дощик накрапае* [3, с. 254], *став буйний вітер повівати* [3, с. 186], *не буйні вітри повівали* [3, с. 79]. По своей сущности (учитывая лексический состав, содержательность конструкции) подобные текстово-образные универсалии, на наш взгляд, родственны с эпическими формулами песен славянского фольклора вообще.

Итак, язык фольклора – та область духовно-культурной традиции, которая позволяет изучать и сравнивать своеобразие этнического мышления, этнического творчества в контексте родственных и неродственных культурных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяселле : песні: у 6 кн. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – Кн. 1.
2. Восеньскія талочныя песні. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981.
3. Украинские народные думы. – М. : Наука, 1972.
4. *Беценко, Т. П.* Мова українських народних дум: словник текстово-образних одиниць / Т. П. Беценко. – Суми, 2016.
5. *Беценко, Т. П.* Текстово-образні універсалії – системні одиниці / Т. П. Беценко // Карповские научные чтения: сб. науч. ст.: в 2 ч.– Минск, 2012. – Вып. 6, ч. 1. – С.12–25.